

Е.Е. Новиков

О ДЕФЕКТАХ И КАЧЕСТВЕ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Рассматриваются проблемы фиксации юридических фактов в нормах уголовно-исполнительного права. Автор работы на основе анализа дефектов правообразующих и правопрекращающих юридических фактов, юридических фактов-сроков, фактов состояний уголовно-исполнительного законодательства, а также результатов опроса сотрудников исправительных учреждений и уголовно-исполнительных инспекций выработал ряд критериев, необходимых для качественного закрепления правовых явлений в рассматриваемой отрасли права.

Ключевые слова: юридические факты; уголовно-исполнительное законодательство; дефекты юридических фактов; механизм уголовно-исполнительного регулирования.

Эффективное функционирование механизма уголовно-исполнительного регулирования невозможно без качественного закрепления юридических фактов в уголовно-исполнительном законодательстве. Однако учеными-юристами уделяется недостаточно внимания рассматриваемым правовым явлениям, что в итоге негативно влияет на качество их закрепления в нормах права.

Одна из основных проблем закрепления юридических фактов в уголовно-исполнительном законодательстве заключается в несоблюдении следующего правила: *наличие в законодательстве правообразующего юридического факта диктует необходимость определения факта правопрекращающего*. Другими словами, если в уголовно-исполнительном законодательстве определен факт, который влечет за собой возникновение соответствующих правоотношений, то в нормах этого же закона должен быть определен момент, когда отношения будут заканчиваться.

Приведем ряд примеров, свидетельствующих о том, что уголовно-исполнительное законодательство не освобождено от проблем, касающихся фиксации фактов, прекращающих уголовно-исполнительные правоотношения.

Так, законодатель в ч. 4 ст. 116 УИК РФ фиксирует правообразующий юридический факт, порождающий правоотношения, связанные с наложением меры взыскания и определением, когда осужденный признается злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания (далее – злостный нарушитель), – это *момент вынесения начальником ИУ постановления о наложении меры взыскания*.

Характер и содержание правоотношений, связанных с признанием осужденного злостным нарушителем, отличаются своими многообразиями. Однако несмотря на серьезность последствий, вызванных рассматриваемым юридическим фактом, в УИК РФ не упоминается о правопрекращающем факте, освобождающим осужденного от статуса злостного нарушителя и полностью ликвидирующим последствия соответствующего правоотношения.

Проведенный опрос и анкетирование сотрудников ИУ¹ выявили, что отсутствие правопрекращающего юридического факта негативно влияет на их практическую деятельность. Так, около 69% респондентов, ссылаясь на ч. 8 ст. 117 УИК РФ, полагают, что, если в

течение года со дня отбытия дисциплинарного взыскания осужденный не будет подвергнут новому взысканию, то он должен считаться *не только не имеющим взыскания, но и не являющимся злостным нарушителем*. Только 31% опрошенных сотрудников полагают, что за осужденным сохраняется статус злостного нарушителя на весь период отбывания наказания.

Более того, по данным Т.Г. Антонова [1. С. 27], 33% сотрудников ошибочно полагают, что начальник ИУ вправе издать постановление о снятии статуса злостного нарушителя. Это как раз тот случай, когда отсутствие правопрекращающего юридического факта может породить неправомерные действия правоприменителя.

Подводя краткий итог, отметим, что отсутствие юридического факта, прекращающего правоотношение, приводит, во-первых, к неоправданно *длительному* существованию уголовно-исполнительных правоотношений, что «держит» механизм уголовно-исполнительного регулирования в постоянной динамике и, во-вторых, побуждает правоприменителя к действиям, направленным *на прекращение* правоотношений *вопреки предписаниям закона*. Оба варианта неминуемо приводят к сбоям функционирования механизма уголовно-исполнительного регулирования.

Анализируя юридические факты-сроки, отметим, что уголовно-исполнительное право «богато» сроками как в количественном (общее число сроков), так и в качественном выражении (например, выделяют правообразующие, правоизменяющие, правопрекращающие сроки или сроки, создаваемые различными субъектами права и т.д.). Но в большом количестве сроков можно выделить немало проблемных вопросов, требующих ответа.

Одной из проблем юридических фактов-сроков является то, что в ряде случаев в уголовно-исполнительном законодательстве не закрепляются сроки там, где они должны присутствовать. По сути, *в законе отсутствует временной ориентир, позволяющий начать или закончить выполнение правоприменителем необходимых действий*.

Например, если в ч. 2 ст. 75 УИК РФ определено, что администрация СИЗО обязана поставить в известность одного из родственников осужденного о том, куда он направляется для отбывания наказания, то срок, в течение которого должна быть выполнена уста-

новленная обязанность, не установлен. Другими словами, срок, на протяжении которого должно возникнуть правоотношения между администрацией СИЗО и родственником осужденного, не зафиксирован.

С одной стороны, исходя из смысла ч. 2 ст. 75 УИК РФ, администрация СИЗО должна известить родственников осужденного с момента получения наряда на этапирование, в котором указывается место отбывания наказания. С другой стороны, учитывая, что процесс перемещения осужденного может составлять более трех месяцев, не будет нарушением закона, если администрация учреждения известит указанных лиц спустя длительное после направления осужденного в ИУ время.

В данном контексте обратимся к Уголовно-исполнительному кодексу Республики Казахстан [2] (далее – УИК РК), в ч. 2 ст. 90 которого определен двухдневный срок извещения родственников осужденного.

Наличие в уголовно-исполнительной праве проблемы, касающейся закрепления юридических фактов-сроков, подтверждают следующие примеры:

– в ч. 1 ст. 43 УИК РФ не определен юридический факт-срок уведомления администрацией организации, где работает осужденный к исправительным работам, уголовно-исполнительной инспекции (далее – УИИ) об уклонении лица от отбывания наказания. Обязанность у администрации есть, но факта, обеспечивающего ее выполнение, нет. Отметим, что опрос сотрудников УИИ г. Новокузнецка² показал следующее: в ряде случаев де-юре администрация не отказывается от выполнения указанной обязанности, а де-факто – ее игнорирует.

Еще раз уделим внимание уголовно-исполнительному законодательству Республики Казахстан (ч. 2 ст. 56 УИК Республики Казахстан), в котором закреплены *три рабочих дня* для уведомления службы пробации об уклонении осужденного от отбывания наказания с момента выявления факта уклонения;

– в ч. 1 ст. 91 УИК РФ не зафиксирован срок уведомления администрацией ИУ осужденных «о передаче операторам связи писем, почтовых карточек и телеграмм для их доставки по принадлежности»;

– в ч. 2 ст. 145 УИК РФ не закреплен срок извещения командиром воинской части суда о перемещении осужденного военнослужащего к ограничению по воинской службе на другую должность или местность.

Подводя краткий итог, отметим, что закрепление юридических фактов-сроков необходимо для обеспечения успешной реализации субъектами уголовно-исполнительных правоотношений своих обязанностей.

При закреплении юридических фактов-сроков недостаточно определить временной промежуток, в течение которого должно возникнуть уголовно-исполнительное правоотношение. Необходимо *установить момент, с которого юридический факт-срок начнет действовать*. Приведем ряд негативных примеров, свидетельствующих о несоблюдении указанного правила.

Так, ч. 5 ст. 40 УИК РФ устанавливает десятидневный срок для сообщения осужденным в УИИ об

изменении места работы и места жительства, но в законе не определен момент, «отправная точка» исчисления указанного срока. Дефект юридического факта дает возможность предположить, что десятидневный срок может исчисляться с момента, например, принятия решения об изменении места жительства / работы; начала действий, связанных с изменением места жительства / работы; когда осужденный уже изменил место жительства / работы; заключения трудового договора или договора найма жилого помещения, или регистрации по месту жительства.

Инспектора инспекций отмечают случаи (по их словам, они нередки), когда *de facto*, скрывавшийся от контроля осужденный не привлекался к установленной законом ответственности в связи с незнанием (непониманием), когда срок, установленный в ч. 5 ст. 40 УИК РФ, должен истекать.

Приведем другой пример и отметим ч. 2 ст. 91 УИК РФ, в которой указаны сроки осуществления цензуры писем, почтовых карточек и телеграмм: по общему правилу – не более трех, а в случае, если корреспонденция написана на иностранном языке – не более семи рабочих дней. Но момент исчисления сроков не определен.

Анализ опроса сотрудников ИУ показал, что начало истечения срока цензуры может быть разным: с момента помещения письма в ящик для корреспонденции; с момента получения корреспонденции цензором; с момента вскрытия корреспонденции; с момента начала прочтения, исследования материалов; с момента регистрации письма, почтовой карточки и телеграммы в журнале исходящей / входящей корреспонденции. По сути, каждый из предложенных вариантов может быть верным.

В данной связи значима позиция законодателя Республики Узбекистан, который в ст. 79 УИК РУ указал, что отправка и вручение корреспонденции осужденного должны производиться в «*трехдневный срок со дня поступления письма либо сдачи на отправку*» (курсив мой. – Е.Н.)» [3].

Завершая рассмотрение данного вопроса, отметим, что *при закреплении юридических фактов-сроков в законе должен быть определен момент их исчисления и / или окончания*.

Отсутствие фактов-сроков, определяющих минимальный период обязательного существования ряда конкретных уголовно-исполнительных правоотношений, является еще одним вопросом, требующим ответа.

Данный недостаток предоставляет правоприменителю возможность единолично решать вопрос о периоде существования правовых связей. По сути, субъект права пользуется только установленным законодателем предельным сроком, «верхней» границей существования уголовно-исполнительных правоотношений. Аргументируем свою позицию.

В статье 115 УИК РФ определены максимальные сроки содержания осужденных, например: в штрафном изоляторе (далее – ШИЗО) – *до пятнадцати суток*; в помещениях камерного типа (далее – ПКТ) и в одиночных камерах – *до шести месяцев*; женщин в ПКТ – *до трех месяцев*; в единых помещениях камер-

ного типа (далее – ЕПКТ) – до одного года. Пункт «б» ст. 136 УИК РФ фиксирует максимальный срок содержания несовершеннолетнего осужденного в дисциплинарном изоляторе – до семи суток.

Согласно ч. 4 ст. 117 УИК РФ перевод осужденных в ПКТ, ЕПКТ, одиночные камеры, водворение в ШИЗО и ДИЗО производится с указанием срока содержания в них. Однако не в ст. 115 УИК РФ, не в ст. 136 УИК РФ не определены минимальные сроки содержания осужденных в указанных помещениях. Отсюда следует, что правоприменитель вправе определить абсолютно любой срок содержания, например, в ПКТ (один день), что не противоречит закону, но не соответствует принципу рационального применения мер принуждения.

Полагаем, что администрация учреждения при определении срока применения мер взыскания должна иметь возможность ориентироваться не только на «верхний» предел, но и на «нижний». Кроме того, считаем возможным также пересмотреть меры взыскания, предназначенные для осужденных, отбывающих наказание в виде принудительных работ (п. «в» 60.14 УИК РФ), ареста (ч. 2 ст. 71 и ч. 2 ст. 153 УИК РФ), содержания в дисциплинарной воинской части п. «в» ст. 168 УИК РФ).

Далее отметим, что отсутствие минимального срока существования уголовно-исполнительных правоотношений можно обнаружить не только в нормах, посвященных мерам взыскания. Например, исходя из содержания ч. 2 ст. 79 УИК РФ, срок содержания осужденных в карантинном отделении составляет «до 15-ти суток». Комментируя данную норму, определим, что отсутствие юридического факта-срока, определяющего низшие границы существования уголовно-исполнительных правоотношений, приводит к минимальному периоду содержания осужденных в карантинном отделении (26 из 27 опрошенных начальников отрядов указали, что сталкивались со случаями помещения осужденных в карантинное отделение на *одни сутки*), что, по нашему мнению, осложняет процесс изучения личности осужденного и его положительной адаптации на первоначальном этапе отбывания наказания.

Интересно, что в уголовно-исполнительном законодательстве присутствуют юридические факты-сроки, которые закрепляют минимальные периоды существования уголовно-исполнительных правоотношений, *но юридические факты, определяющие максимальный период существования правоотношений, отсутствуют*. Так, например, ч. 5 ст. 129 УИК РФ регламентирует, что «при применении к осужденным, отбывающим лишение свободы в колониях-поселениях и не занятым общественно полезным трудом, взыскания в виде запрещения выхода за пределы общежития в свободное от работы время на срок до 30-ти дней им предоставляется право на ежедневную прогулку, продолжительностью *не менее двух часов* (курсив мой. – Е.Н.)». Отсюда следует, что не будет нарушением закона предоставление осужденному такого количества часов для прогулки, которое ограничено только правилами внутреннего распорядка учреждения.

Юридический факт-срок, как и любая другая норма, должен быть точно и конкретно закреплён в законе с отсутствием неопределённого содержания. Это само собой разумеющееся правило соблюдается, по нашему мнению, не всегда.

Раскрывая поставленную проблему, отметим, что в уголовно-исполнительном законодательстве более 60 раз используется предлог «до» с последующим указанием юридического факта-срока: «до 30-ти суток» (ч. 2 ст. 30 УИК РФ), «до 5-ти суток» (ч. 3 ст. 60.4 УИК РФ), «до 15-ти суток» (ч. 2 ст. 79 УИК РФ), «до 18-ти рабочих дней» (ч. 5 ст. 104 УИК РФ) и т.д. Возникает вопрос (в том числе у опрошенных нами практических работников): закрепляя предлог «до», предоставляет ли законодатель возможность использовать соответствующий факт-срок полностью, т.е. включается ли указанная дата во временной предел действия либо нет?

Решение указанной проблемы содержится в ответе, данном в заключение эксперта-лингвиста, диплом которого наделяет его правом ведения профессиональной деятельности в сфере судебно-лингвистических экспертиз. Приведем выдержку из него: «Таким образом, данные дефиниции указывают на то, что нижняя граница указанной меры в интересующем нас высказывании не обозначена. Это говорит о возможном ее (меры) прекращении до истечения прописанного времени. Верхняя же граница исчисляется 15 сутками включительно. Следовательно, высказывание “до 15-ти суток” охватывает весь обозначенный период, т.е. от первых суток до 15-х, где 15-е сутки – предельный, максимальный срок.

Предлоги *по* и *до*, исходя из их пространственно-временного смысла, являются равнозначными».

В заключении экспертизы содержится следующее предложение эксперта, которое, по нашему мнению, следует учитывать при фиксации юридических фактов-сроков: «В качестве экспертной инициативы отметим следующее. В целях избежания разночтений предлагаем добавить в спорное высказывание слово *включительно*, уточняющее, что пятнадцатые сутки входят в указанный срок».

Таким образом, при закреплении в законе рассматриваемых фактов необходимо уточнять, что правоприменитель имеет *возможность использовать соответствующий факт-срок полностью*. Уточнение может быть осуществлено с помощью слова «*включительно*», например «до семи суток включительно» (п. «б» ст. 136 УИК РФ).

Отдельное внимание следует уделить юридическим фактам-состояниям. Наиболее часто в нормах уголовно-исполнительного кодекса фигурируют следующие состояния: болезни; беременность; алкогольное, наркотическое или токсическое опьянения; состояния, фиксирующие родственные связи, и т.д.

При фиксации родственных связей законодатель использует две категории: *близкие родственники* или *родственники осужденного*.

Категория *близкие родственники* представлена в нормах семейного (ст. 14 Семейного кодекса Российской Федерации) и административного (ст. 25.6 Ко-

декса Российской Федерации об административных правонарушениях) законодательства. Но в ч. 4 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации указанное понятие представлено более обстоятельно. Определим, что законодатель в нормах УИК РФ (см., например, ч. 5 ст. 91 УИК РФ) побуждает правоприменителя использовать нормы уголовно-процессуального законодательства при определении степени близкого родства. Так, близкими родственниками, исходя из содержания ч. 4 ст. 5 УПК РФ, являются родители, дети, супруг, супруга, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, сестры, бабушка, бабушка, внуки. Все остальные родственники не являются близкими.

Состояние близкого родства встречается в уголовно-исполнительном кодексе 15 раз. Это значит, что примерно в пятнадцати случаях осужденные, имеющие близких родственников, обладают привилегированным правом или законным интересом в связи с наличием рассматриваемого состояния. Другими словами, анализируемый юридический факт порождает правоотношения, недоступные для осужденных, в связи с отсутствием состояния близкого родства.

Закрепление в законе состояния близкого родства лишает осужденных, например:

- законного интереса на возможный уход из места постоянного проживания (пребывания) в определенное время суток; на посещение определенных мест, расположенных в пределах территории соответствующего муниципального образования; на выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования; изменение места постоянного проживания в связи со смертью или тяжелой болезнью родственника, не являющимся близким (п. «а» ч. 4, п. «в» ч. 5 ст. 50 УИК РФ);

- законного интереса на изменение места постоянного проживания в случае предоставления неблизкому родственнику осужденного, с которым он проживает, или приобретения родственником, с которыми он проживает, жилого помещения (п. «б» ч. 5 ст. 50 УИК РФ);

- законного интереса на краткосрочный выезд из ИУ в случае смерти или тяжелой болезни просто родственника (п. «а» ч. 1 ст. 97 УИК РФ);

- законного интереса на получение права выхода за пределы воспитательной колонии в сопровождении родственников, не являющихся близкими (п. «б» ст. 134 УИК РФ);

- права осуществлять денежные переводы неблизким родственникам (ч. 5 ст. 91 УИК РФ).

Кроме того, родственники осужденного, не являющиеся близкими, не имеют права участвовать в деятельности родительских комитетов, создаваемых в воспитательных колониях (ч. 2 ст. 142 УИК РФ), права обратиться в администрацию УИИ с письменным ходатайством об изменении места постоянного проживания осужденного (ч. 7 ст. 50 УИК РФ) и др.

Полагаем, что в условиях наличия изначально нарушенных социально полезных связей осужденных и возможной их деградации в период отбывания наказания, содержание рассматриваемого юридического факта-состояния надо пересмотреть и тем самым со-

здать фундамент для возникновения более обширного круга уголовно-исполнительных правоотношений. Законодателю следует *заменить категорию «близкие родственники» на «родственники» осужденного.*

Кроме того, изменение анализируемого факта-состояния в основном расширит перечень *не прав, а законных интересов* осужденных, что даст возможность администрации учреждений, исполняющих наказания, подходить к каждому конкретному случаю *индивидуально.*

Отчасти сформулированное предложение продиктовано некоторыми данными, полученными в результате опроса. Так, 76% опрошенных сотрудников УИИ считают возможным индивидуально подходить к решению вопросов, связанных с предоставлением осужденным, имеющим родственников, не являющихся близкими, законных интересов, предусмотренных нормами п. «а» ч. 4, пп. «б» и «в» ч. 5 ст. 50 УИК РФ. Практически все опрошенные сотрудники мест лишения свободы (94%) считают возможным изменить рассматриваемый факт-состояние и закрепить право осужденным осуществлять денежные переводы всем категориям родственников.

Болезнь осужденного является особым юридическим фактом-состоянием, так как его наличие в ряде случаев *кардинально* влияет на уголовно-исполнительные правоотношения и механизм уголовно-исполнительного регулирования. Рассматриваемое состояние может быть двух видов: тяжелая болезнь и болезнь, не являющаяся таковой.

Состояние тяжелой болезни упоминается в нормах уголовно-исполнительного права несколько раз. Но даже в этом ограниченном количестве случаев упоминания фактов тяжелой болезни существуют вопросы, требующие ответов.

Например, в ч. 3 ст. 26 и ч. 4 ст. 42 УИК РФ отмечается, что случаях тяжелой болезни осужденного к обязательным или исправительным работам, препятствующей отбыванию наказания, *он вправе обратиться в суд с ходатайством об освобождении его от дальнейшего отбывания наказания.* Фиксация в законе рассматриваемых юридических фактов обоснована, так как отбывание указанных видов наказаний сопряжено с трудовой деятельностью, которую выполнить не представляется возможным в связи с наличием тяжелой болезни.

Кроме того, то, что факт тяжелой болезни, препятствующий отбыванию наказания, дает возможность осужденному обратиться в суд с ходатайством об освобождении его от дальнейшего отбывания наказания, зафиксирован в ч. 6 ст. 175 УИК РФ.

Возникает вопрос: почему указанные нормы предоставляют возможность ходатайствовать об освобождении от отбывания наказания не только осужденному, но и, например, администрации учреждения, исполняющего наказания, или иным лицам? Логично предположить, что состояние тяжелой болезни может являться препятствием, мешающим обращению осужденного в суд. Не исключено возникновение ситуации, когда осужденный по собственной инициативе не будет ходатайствовать перед судом об освобождении его от отбывания наказания.

Аналогичные проблемные вопросы возникают при анализе *состояния беременности*. На сегодняшний день, исходя из содержания ч. 3.1 ст. 26, ч. 5 ст. 42 и ч. 9 ст. 175 УИК РФ, *только женщина*, осужденная к обязательным работам, исправительным работам, принудительным работам, *вправе обратиться в суд с ходатайством об отсрочке ей отбывания наказания со дня предоставления отпуска по беременности и родам*. Полагаем, что в предродовой и послеродовой периоды отбывать наказание, связанное с выполнением трудовой деятельности, представляется затруднительным. В связи с этим администрации учреждения, исполняющего наказание, родственникам и иным лицам должна быть предоставлена возможность ходатайствовать перед судом об отсрочке осужденной от отбывания наказания.

Таким образом, *при закреплении фактов состояний тяжелой болезни или беременности, порождающих правоотношения, связанные с освобождением от отбывания наказания или его отсрочкой*, законодатель во всех случаях должен предоставить возможность *обращаться в суд не только осужденному, но администрации учреждения, исполняющего наказания, и иным лицам*.

Юридические факты должны закрепляться в правовых нормах с учетом соответствия устоявшейся терминологии, от которой зависит успех развития уголовно-исполнительных правоотношений. Анализ норм уголовно-исполнительного права показал, что в нем содержится достаточно определений, имеющих терминологическую неточность.

Так, исходя из анализа содержания ч. 3 ст. 18 УИК РФ, решение *медицинской комиссии* может являться основанием применения к осужденному обязательного лечения и влечет за собой серьезные правовые последствия: осужденные, не прошедшие обязательного лечения, не могут быть направлены в колонию-поселение из исправительных колоний общего или строгого режимов («г» ч. 3 ст. 78 УИК РФ) или, например, уклонение от обязательного лечения будет являться основанием для признания осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания (ч. 1 ст. 116 УИК РФ).

Однако проблема состоит в том, что законодательство о здравоохранении и медицине в основных юридических документах (например, в Федеральном законе от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») термин *медицинская комиссия* не использует. Вопросы, связанные с диагностикой, лечением и назначением лекарственных препаратов, коррекции лечения и т.д., решает *врачебная комиссия* (ст. 48 Федерального закона) или *консилиум врачей* в случаях, необходимых для определения прогноза, тактики медицинского лечения и т.д. Другими словами, федеральное законодательство о здравоохранении и медицине «не знает» термина *медицинская комиссия*.

Так как медицинская комиссия не упоминается в основных документах, касающихся здравоохранения и медицины, все ее действия, связанные с медицинской деятельностью, являются спорными.

Продолжая тему закрепления медицинской терминологии, отметим, что законодатель в нормах уголовно-исполнительного права (например, в ч. 3 ст. 18, ч. 2 ст. 76, ч. 2 ст. 96 УИК РФ) использует следующий материальный юридический факт – *открытая форма туберкулеза*, наличие которой существенно влияет на правовое положение осужденных.

Несмотря на обыденность употребления рассматриваемого термина, его *не используют* в законодательстве о здравоохранении и медицине, в частности в Федеральном законе от 18 июня 2001 г. № 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» [4]. Международный классификатор болезней Десятого пересмотра³ выделяет 37 видов туберкулеза, среди которых открытая форма не указана.

Отметим, что Федеральным законом «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» определены следующие две его формы: *активная и заразная формы туберкулеза*. Полагаем, что термин *открытая форма туберкулеза* следует заменить на *заразная форма туберкулеза*, так как при последней, в соответствии со ст. 1 рассматриваемого документа, «происходит выделение микобактерий туберкулеза».

Открытым остается вопрос закрепления в уголовно-исполнительном праве термина *медико-социальная реабилитация*.

Исходя из содержания ч. 6 ст. 178.1 УИК РФ, уклонение от медико-социальной реабилитации является юридическим фактом, порождающим уголовно-исполнительные правоотношения, связанные с отменой отсрочки отбывания наказания лицу, признанному больному наркоманией. Но в нормах, например, уголовного (например, ст. 82.1 УК РФ) и административного (например, ст. 6.9.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [5]) законодательства, законодательства о здравоохранении и медицине (например, гл. VII Федерального закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» [6], ст. 40 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») справедливо используются два различных термина: *медицинская реабилитация* и *социальная реабилитация*.

Краткий анализ терминов, формирующих в юридические факты, показал их прямое, а в ряде случаев концептуальное влияние на уголовно-исполнительные правоотношения. При *закреплении терминов, «не принадлежащих» уголовно-исполнительному праву, законодатель должен обращать на их формулировку в нормах той отрасли права, к которой они относятся*.

Анализ уголовно-исполнительного законодательства показал то, что ряд уголовно-исполнительных правоотношений не может возникнуть в связи с тем, что *юридический факт, готовый дать толчок развитию правовых связей, не закреплён в нормах права, факт отсутствует*. Если правоотношение все-таки образуется, то его возникновение и развитие можно истолковать как нарушение закона.

Аргументируем наличие сформулированной проблемы и приведем следующие примеры.

В части 1 ст. 85 УИК РФ зафиксирован перечень материальных юридических фактов, возникновение которых порождает уголовно-исполнительные правоотношения, связанные с введением режима особых условий в ИУ. Так, режим особых условий может быть введен в случае наличия следующих фактов: «...стихийного бедствия, введения в районе расположения исправительного учреждения чрезвычайного или военного положения, при массовых беспорядках, а также при групповых неповиновениях осужденных в исправительном учреждении...».

Полагаем, что в ч. 1 ст. 85 УИК РФ обозначены не все юридические факты, являющиеся основаниями введения режима особых условий в ИУ. Так, например, *при захвате заложников* в ИУ администрация учреждения не должна применять меры, свойственные режиму особых условий, что является, с одной стороны, абсурдным поведением с точки зрения реальной действительности, но, с другой стороны, правомерным и обоснованным бездействием, продиктованным содержанием юридического предписания. Следует отметить, что небольшое количество захватов заложников в ИУ (два случая в 2017 г.) нивелирует ежегодная периодичность рассматриваемых преступных действий.

Групповой побег из исправительного учреждения, угроза (реальное нападение) вооруженного нападения на места лишения свободы также не будут являться основаниями введения режима особых условий в ИУ [7. С. 14–15].

Подводя итог исследованию качества закрепления юридических фактов в уголовно-исполнительном законодательстве, сделаем следующие выводы.

1. Одна из проблем закрепления юридических фактов в уголовно-исполнительном законодательстве заключается в несоблюдении следующего правила: *«наличие в законодательстве правообразующего юридического факта диктует необходимость определения факта правопрекращающего»*. Указанное обстоятельство, во-первых, может привести к неоправданно *длительному* существованию уголовно-исполнительных правоотношений, что «держит» механизм уголовно-исполнительного регулирования в постоянной динамике. Во-вторых, является детерминантом совершения правоприменителем действий, направленных на *прекращение* правоотношений вопреки предписаниям закона.

2. Анализ юридических фактов-сроков выявил следующий ряд проблем:

– в ряде случаев, *отсутствуют временные ори-*

ентиры, позволяющие начать или закончить выполнение правоприменителем необходимых действий;

– не всегда *зафиксированы моменты (точки отчета), с которых юридический факт-срок начнет действовать;*

– *отсутствуют факты-сроки, определяющие минимальный период обязательного существования ряда конкретных уголовно-исполнительных правоотношений*, что является еще одной проблемой, отрицательно влияющей на механизм уголовно-исполнительного регулирования. Кроме того, выявлена необходимость закрепления в некоторых нормах уголовно-исполнительного законодательства *юридических фактов, определяющих максимальный период существования правоотношений;*

– при использовании предлога «до» с *последующим указанием юридического факта-срока* законодатель должен дополнить норму словом *включительно*, уточняющим, что правоприменитель будет иметь возможность использовать соответствующий факт-срок полностью, например, *до 15 суток включительно*.

3. При закреплении юридических фактов-состояний *отдельное внимание следует уделить состояниям, связанным с фиксацией степени родства и состояния здоровья*. Так, при определении родственных связей законодателю следует задуматься над *заменой категории «близкие родственники» на «родственники» осужденного*.

При закреплении фактов-состояний *тяжелой болезни или беременности*, порождающим правоотношения, *связанные с освобождением от отбывания наказания или его отсрочкой*, законодатель во всех случаях должен предоставить возможность *обращаться в суд не только осужденному, но и администрации учреждения, исполняющего наказания, а также иным лицам*.

4. Термины, формирующие юридические факты, оказывают концептуальное влияние на уголовно-исполнительные правоотношения. При закреплении терминов, *«не принадлежащих» уголовно-исполнительному праву*, законодатель должен *обращать внимание на их формулировку в нормах той отрасли права, к которой они относятся*.

5. Анализ уголовно-исполнительного законодательства выявил то, что ряд *правоотношений, в формировании которых есть объективная необходимость, не могут возникнуть в связи с отсутствием юридического факта, их порождающих*.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Всего было опрошено и проанкетировано 103 сотрудника, работающих в различных видах исправительных учреждений, из них: начальники ИК, СИЗО – 21 человек; заместители начальников ИК, СИЗО – 5 человек; начальники отряда – 77 человек.

² Всего было опрошено 32 инспектора филиалов по Новокузнецкому, Центральному, Кузнецкому, Заводскому, Куйбышевскому, Орджоникидзевскому и Новоильинскому районам г. Новокузнецка, ФКУ УИИ ГУФСИН России по Кемеровской области.

³ Данный документ (МКБ-10, англ. International Statistical Classification of Diseases and Related Health Problems) используется как ведущая статистическая и классификационная основа в здравоохранении и является нормативным документом, обеспечивающим единство методических подходов в медицине. В соответствии с Приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации № 170 от 27 мая 1997 г. «О переходе органов и учреждений здравоохранения Российской Федерации на Международную статистическую классификацию болезней и проблем, связанных со здоровьем X пересмотра» в России органы и учреждения здравоохранения осуществили переход на МКБ-10 в 1999 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов Т.Г. Проблемы законодательного закрепления статуса «злостный нарушитель установленного порядка и условий отбывания наказания» // Вестник Кузбасского института. 2017. № 2 (31). С. 24–29.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 г. № 234-V. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31577723#pos=1;-117 (дата обращения: 03.09.2018).
3. Уголовно-исполнительный Кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 25 апреля 1997 г. № 409-I). URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421376#pos=0;0 (дата обращения: 08.05.2018).
4. О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации: Федеральный закон от 18.06.2001 № 77-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 26. Ст. 2581.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
6. О наркотических средствах и психотропных веществах: Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 2. Ст. 219.
7. Абышев В.А. Правоохранительная система деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы в условиях чрезвычайной ситуации криминального характера : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 22 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 ноября 2018 г.

On Defects and the Quality of Codification of Legal Facts in the Correctional Law

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 440, 212–218.

DOI: 10.17223/15617793/440/29

Egor E. Novikov, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: mavr-85@mail.ru

Keywords: legal facts; penal legislation; defects in legal facts; mechanism of criminal executive regulation.

The article reveals a set of problems associated with the consolidation of legal facts giving rise to correctional legal relations. The aim of the article is to develop quality criteria (rules) for fixing legal facts in the correctional law. Based on the analysis of right-forming and right-terminating legal facts, legal deadlines, facts of the state of the correctional law, special legal terminology, as well as the results of a survey of employees of correctional institutions and inspectorates, the author revealed defects in fixing legal facts in the correctional law. As a result of the study, the following conclusions have been made, which are necessary for the qualitative fixation of legal facts in the correctional law: (1) When fixing legal facts in the correctional law, it is necessary to take into account the fact that the “presence in the legislation of a right-forming legal fact dictates the need to determine a right-terminating fact. A failure to comply with this rule, firstly, can lead to unjustifiably long correctional relations, which gives dynamics to the mechanism of correctional regulation. Secondly, it makes a law enforcer act to terminate legal relations contrary to the requirements of the law. (2) When fixing legal deadlines, special attention should be paid to the fixation of temporal guidelines for a law enforcement agent to start or finish the necessary actions; moments from which legal deadlines take effect; legal deadlines determining the minimum and maximum periods of the obligatory existence of a number of specific correctional legal relations. In addition, when using the preposition “before” followed by a legal deadline, the legislator should supplement the rule with the word “inclusive”, specifying that the law-enforcer will have the opportunity to use the corresponding deadline in full. (3) When determining family ties, the legislator should replace the category “close relatives” with “relatives” of the convict, which, given the presence of initially impaired socially useful relations of convicts and their possible degradation during the period of serving the sentence, will create the foundation for the emergence of a wider range of relevant relationships. (4) When fixing the terms “not belonging” to the correctional law, the legislator should refer to their wording contained in the norms of the branch of law to which they relate.

REFERENCES

1. Antonov, T.G. (2017) Problemy zakonodatel'nogo zakrepleniya statusa “zlostnyy narushitel' ustanovlennogo poryadka i usloviy otbyvaniya nakazaniya” [Problems of legislative consolidation of the status “malicious violator of the established order and conditions of serving the sentence”]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 2 (31). pp. 24–29.
2. Republic of Kazakhstan. (2014) *The Penal Code of the Republic of Kazakhstan of July 5, 2014, No. 234-V*. [Online] Available from: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31577723#pos=1;-117. (Accessed: 03.09.2018). (In Russian).
3. Republic of Uzbekistan. (1997) *The Penal Code of the Republic of Uzbekistan* (approved by the Law of the Republic of Uzbekistan of April 25, 1997, No. 409-I). [Online] Available from: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421376#pos=0;0. (Accessed: 08.05.2018). (In Russian).
4. Russian Federation. (2001) O preduprezhdenii rasprostraneniya tuberkuleza v Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 18.06.2001 № 77-FZ (s posled. izm. i dop.) [On the prevention of the spread of tuberculosis in the Russian Federation: Federal Law No. 77-FZ dated June 18, 2001 (with further amendments and addendums)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of the laws of the Russian Federation]. 26. Art. 2581.
5. Russian Federation. (2002) Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30.12.2001 № 195-FZ (s posled. izm. i dop.) [Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001, No. 195-FZ (with further amendments and addendums)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 1 (Pt. 1). Art. 1.
6. Russian Federation. (1998) O narkoticheskikh sredstvakh i psikhotropnykh veshchestvakh: Federal'nyy zakon ot 08.01.1998 № 3-FZ (s posled. izm. i dop.) [On narcotic drugs and psychotropic substances: Federal Law dated January 8, 1998, No. 3-FZ (with further amendments and addendums)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 2. Art. 219.
7. Abyshev, V.A. (2010) *Pravookhranitel'naya sistema deyatel'nosti uchrezhdeniy ugolovno-ispolnitel'noy sistemy v usloviyakh chrezvychaynoy situatsii kriminal'nogo kharaktera* [Law enforcement system of institutions of the penitentiary system in an emergency situation of a criminal nature]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.

Received: 01 November 2018